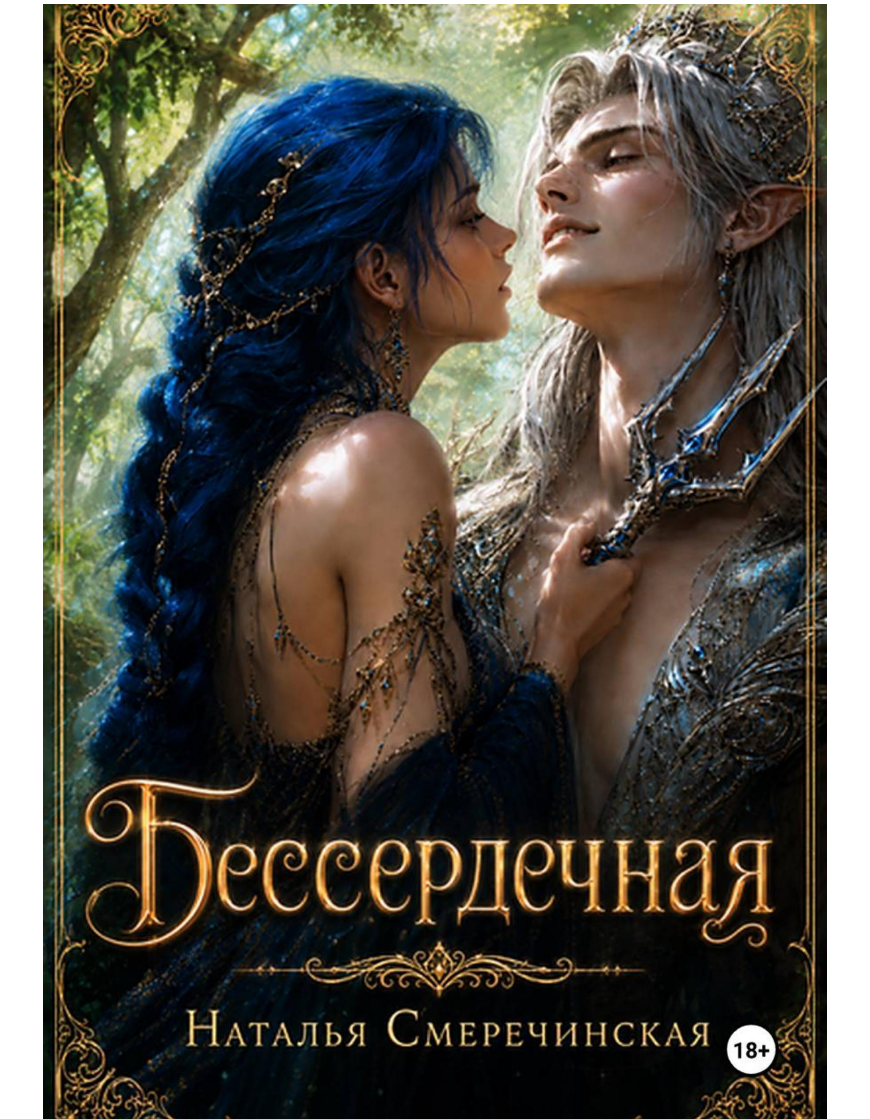

Бессердечная

Наталья Смеречинская

18+

Наталья Смеречинская

Бессердечная

<https://litres.ru/74689119>

SelfPub; 2026

Аннотация

После жуткого и жестокого предательства единственного близкого человека Ольга умирает и оказывается в совершенно другом, новом мире. Теперь у нее идеальная внешность, идеальная сила и сама она - идеальная машина для убийств. Но сердце девушки мертво, и именно его пытается заполнить красавец, король эльфов Дарион. Получится ли у него? А может девушку, ожидает очередное предательство

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	53
Г	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Смеречинская

Бессердечная

Глава 1

Мои безжизненные стеклянные глаза смотрели в голубое небо. Безумно красивое, без единого облачка, оно ярким куском выделялось на фоне серых краёв могилы.

Мне так хотелось вырваться из этой сырой земли, туда, в небеса, но я была заперта в своей истерзанной и неподвижной оболочке.

В яму упала первая горсть земли.

— Ну чё там? Долго ещё?

Послышался самый мерзкий голос на земле. А ещё совсем недавно я просто млела от этого бархатного тембра. Алексей.

Ярость и гнев затопили меня с новой силой. Душа опять начала биться, пытаясь заставить пошевелиться брэнную оболочку.

Не-на-ви-жу.

Ненавижу так же сильно, как любила до этого.

Надо мной склонилась ещё одна гадкая рожа. Уголовник со шрамом по кличке Кнур — самый страшный мой кошмар и глава этих подонков.

— А куда спешить? — прохрипела эта падаль. — Дев-

ка мертва. Вокруг никого. Ближайшее село вымерло. Живёт там только одна бабка, да и то к ней люди не ходят — говорят, ведьма. Так что похороним твою пессию с почестями. Не торопясь. Она нам хорошо послужила.

Подонки загоготали, и этот мерзкий смех подхватили остальные.

Почему мир так несправедлив? Почему мне в восемнадцать лет нужно было потерять всё: родителей, дом, любовь, честь, жизнь?

Казалось, будто всё ополчилось против меня. Сначала погиб папа. Водитель автобуса международных рейсов, он заснул за рулём, а напарник этого даже не заметил. Тоже спал.

Автобус перевернулся и улетел в кювет. Двадцать три человека погибли, и среди них мой любимый отец.

Мама не выдержала горя. После похорон её разбил инсульт, и вот после десяти дней безнадёжной борьбы за её жизнь я зашла в пустую квартиру круглой сиротой.

Единственный ребёнок, взращённый в любви и ласке, я в один момент осталась одна, без поддержки. Бабушек и дедушек уже не было в живых — слишком поздно я родилась, а родственники жили очень далеко.

Спасибо соседям, помогли с похоронами, так как от пребывающей в шоке меня было мало толку. Я была в такой прострации, что засыпать могла только после укола доброй соседки бабы Веры. В прошлом медсестры.

Пока бродила по квартире тенью, меня успели отправить

в академический отпуск из родного училища, а работники соцслужб ломали голову, что же со мной делать.

Вроде бы уже и не маленькая — семнадцать с половиной, но и несовершеннолетняя. Никто не желал брать на себя ответственность за такую обузу.

Выход нашёлся с горем пополам. Государственные работники всё же уломали одну из дальних родственниц — двоюродную тётку по маминой линии — взять надо мной временное опеку.

Тётку я видела всего один раз, когда она прилетела с другого конца страны, чтобы подписать документы. Выразив сочувствие и посидев в неловкой тишине, родственница вручила мне карточку с соцдёнгами на сироту и с облегчением уехала домой. Благо, по её мнению, заботиться обо мне было кому.

У меня появился жених.

В один из тех мрачных дней, после похорон мамы, когда я забирала её документы из больницы, мне стало плохо. Прямо на ступеньках нашей поликлиники. Идущие рядом женщины стали звать на помощь, а меня, уже в бессознательном состоянии, подхватили с земли крепкие руки.

Пока приводили в чувство и делали уколы, я успела рассмотреть своего спасителя.

Симпатичный парень, лет двадцати пяти, не больше, с пшеничной шапкой волос и серыми глазами.

Сдав меня на руки медперсоналу, он не спешил уходить.

Дождавшись окончания процедур и заверения врача, что у меня просто нервный срыв, парень предложил проводить.

Не знаю почему, но я согласилась. Возможно, мне не хватало человеческого тепла после смерти близких, а возможно, Алексей — так звали нового знакомого — просто вызывал доверие своим поступком.

Но домой в тот день он меня проводил, а на следующий пришёл в гости. Потом были букеты и приглашения на свидания. Я начала оттаивать, искать в Лёше поддержку и замену потерянной семье.

Поэтому уже через полгода, в свой день рождения, я сказала: «Да!» — приняв в подарок кольцо.

К свадьбе мой жених подошёл очень деловито. Сам он был родом с Севера, там же проживала его мама. Лёша очень мечтал переехать поближе к ней и завёл разговоры об этом.

Мне не хотелось уезжать из города, где были могилы моих родителей, но, с другой стороны, как здраво заметил жених, здесь меня уже ничего не держит.

А потом ему предложили работу, очень выгодную, и Алексей начал настаивать на продаже родительской квартиры.

— Ты пойми, котёнок, — уговаривал меня жених, — там за эти деньги мы не только жильё купим, но и маленький бизнес откроем. Да и мама рядом, она давно мечтает с тобой познакомиться. И мне от такой выгодной работы отказываться не хочется. Ведь скоро семью кормить.

И нежно поцеловал меня.

Разговоры о свадьбе, семье, детях всё время звучали из уст Алексея.

И я поддалась на уговоры. Ушла из техникума, где училась на швею, раздала соседям часть вещей, вторую часть отправили Лёшиной маме на сохранение. Жених за это время нашёл покупателей.

В тот день, когда должны были оформлять сделку, Лёша был в приподнятом настроении. Всё время шутил, делал мне комплименты и был очень нежен с утра, в постели.

Вставать и прощаться с родными стенами абсолютно не хотелось, но парень напомнил мне, что скоро нужно уезжать. Почти всё загружено в машину, о ночёвке у друга он договорился, осталось только подписать документы и ехать.

С лёгкой грустью стала собираться. До нотариуса оставалось два часа, и я попросила жениха провести родителей на кладбище.

Лёша недовольно скривился, но перечить не стал.

В подъезде мы встретили соседку, бабу Веру.

— Что, уже уезжаешь, Оленька? — спросила старушка, участливо глядя на меня.

— Да, баб Вера, уже, — сказала я доброй старушке, что заменила мне настоящую бабушку.

Соседка, перекрестив меня, поцеловала в щёку:

— Пусть Господь и все святые берегут тебя, девочка, — кивнув Алексею, старушка пошла в свою квартиру.

Моего жениха добрая соседка почему-то недолюбливала.

На кладбище я тихо села около родных могилок. Алексей вежливо отошёл, давая мне возможность попрощаться с родными.

— Вот я и уезжаю, мои дорогие. У Лёши новая работа, и дом вроде уже присмотрен. Его мама обещала помочь обжиться. Так что у меня всё хорошо. Только... — снова слёзы набежали. Я быстро их стёрла. Лёша будет сердиться, если я с красными глазами пойду к нотариусу. — Я по вам так скучаю. Mamочка, папочка, почему же так рано?... Простите меня, родные, я буду приезжать. А теперь мне пора. Люблю вас.

Поцеловав пальцы, я прижала ладонь к холодному камню надгробия.

Пора ехать в контору.

Алексей нетерпеливо переминался с ноги на ногу, переживая, что опоздаем. Я села в машину и долго смотрела в окно, пока кладбище совсем не скрылось из виду.

Покупатель уже сидел в конторе. Неприятный полный мужичок с бегающими глазками. Он всё время потел и вытирал лоб серым от грязи платком.

Руку я ему, в отличие от Лёши, не пожалала.

Нотариус — высокая строгая тётка средних лет — долго сверяла каждую букву в документах. Я успела устать от нудного сидения на стуле, но вот меня позвали подписать документы.

Один росчерк пера — и толстая пачка зелёных купюр лег-

ла мне в руки под зорким взглядом нотариуса.

— Давай спрячу, — предложил Алексей, похлопав по специальной сумке на плече.

Я доверчиво передала деньги жениху.

— Был очень рад, очень рад, — раскланялся довольный толстяк, прижимая к себе папку с документами.

Лёша кивнул и ответил какой-то вежливой фразой, а я не стала слушать и пошла к машине. На сердце было тяжело и грустно. Как будто предала кого-то.

— Не грусти, котёнок, — весело пропел Лёша, запрыгивая на водительское сиденье и целуя меня в висок. — Впереди настоящее веселье.

Я кивнула из вежливости и вымученно улыбнулась. Разделять его хорошее настроение мне не хотелось.

Мы выехали за город и некоторое время ехали по главной трассе. Лёша включил музыку и весело что-то мурлыкал в такт. Благо меня не трогал, а я задумчиво смотрела на пробегающие мимо деревья.

В какой-то момент глаза сами собой закрылись, и я заснула.

Разбудили меня тряска и звук гравия под колёсами. Мы съехали с главной дороги и сейчас ехали по какой-то деревенской тропке. Я недоумённо уставилась на заросли вокруг.

Где это мы?

— О, проснулась, — радостно сказал Лёша. — Мы почти приехали.

— Лёша, а где это твой друг живёт? — спросила я жениха.

— А, это... Он тут у бабки по делу. Сейчас быстро справимся, его заберём — и поедem праздновать. Не переживай, киска, — подмигнул мне Лёша.

И я ненадолго успокоилась.

Деревня, в которую мы заехали, была явно нежилой и оставляла после себя жуткое впечатление. Покосившиеся домики, обвалившиеся крыши, выбитые окна. Всё это тянуло разрухой и тленом.

Подобных деревень много, и трудно было поверить, что ещё лет двадцать — тридцать назад здесь кипела жизнь.

Мы подъехали к такому же покосившемуся домику, только у этого чудом сохранились стёкла на окнах.

Лёша припарковался и отстегнул ремень безопасности.

— Пошли, котёнок, — сказал мне жених, выходя из машины.

— Знаешь, Лёш, — покачала я головой, — я, наверное, в машине посижу. Не нравится мне это место.

Но он меня уже не слышал и открывал дверь с моей стороны.

— Давай, киска, пошли. Я тебя со Славой познакомлю.

Взгляд Алексея мне не понравился, но, решив не ссориться, я вышла из машины.

— Вот так, умница. Видишь этот дом? Ещё прабабке Славы принадлежал. Представляешь?

За этой болтовнёй Лёша пропустил меня в дом.

Пройдя развалившийся предбанник, я зашла в первую комнату жилища и застыла на месте.

Напротив входа стоял стол, за которым резались в карты какие-то уголовники. Три мужика в наколках и не очень хорошей одежде.

На столе стояли водка и какая-то закуска, а рядом лежал нож. Все они повернулись на звук и уставились на меня. Я испуганно попятилась, но в спину меня подтолкнули.

— А вот и мы, — слышался голос Лёши и звук щеколды на двери.

Глава 2

Лёша обошёл меня, пряча ключ в карман.

— Оленька хотела на кладбище к родителям. Правда, киска? — подмигнул ничего не понимающей мне Алексей.

— На кладбище — это правильно. Это верно, — загоготал уголовник со шрамом.

Его смех подхватили остальные.

Но потом, резко перестав смеяться, он спросил Лёшу:

— Деньги принёс?

— Само собой, — кивнул жених и полез в барсетку, где лежала выручка от квартиры.

— Лёша, — отмерла я наконец, — что это значит?

Не обращая на меня внимания, жених отдал часть денег уголовнику, и тот быстро всё пересчитал.

— Как и договаривались, — сказал Алексей, убирая барсетку от жадных взглядов зеков. — Я вернусь через два часа, и чтобы к тому времени вы уже справились.

— Маловато будет, — окинул меня сальным взглядом второй, невысокий бандит. — На такую кралю больше времени надо, чем два часа.

Третий одобряюще всхрипнул.

Не став разбираться дальше, я кинулась к двери, но та была заперта.

Сзади меня схватил за волосы бесшумно подкравшийся

низкорослый зек и потащил в соседнюю комнату.

Бросив меня на старую полуразвалившуюся кровать, он прыгнул сверху, придавив своей тушей.

— Я приеду, как справитесь здесь. Наберёшь меня, — услышала я голос жениха и звук закрывающейся двери.

— Лешшшшааа!!! — закричала я что есть мочи.

На щёку обрушился сильный удар.

— Молчи, сука, — прошипел зек. В комнату зашёл главный.

— Жук, держи её за ноги, а ты, Кагор, — за руки. И по лицу пока не бить, нравится оно мне, — почти нежно погладил меня по щеке главный.

И потянулись часы ада.

Сначала я плакала, кричала и пыталась сопротивляться. Потом голоса не стало, и силы ушли.

Бандиты перестали меня держать, так как я даже не шевелилась, бездумно уставившись в потолок.

Я просто ушла в себя. Не хотела чувствовать ничего: ни боли, ни унижения, ни гнева.

Это не я лежу растерзанная здесь, на кровати. Это какая-то жалкая кукла, которую использовали, а меня в ней нет.

Не знаю, в какой момент это случилось, но я и правда перестала ощущать своё тело. Не смогла пошевелить даже пальцем.

Я встrepенулась, забилась, но поздно — тело не отвечало.

— Эй, Кнур, — позвал низкорослый Кагор, отрываясь от меня. — А девка-то не шевелится.

Кнур вернулся из главного зала, где выпивал и закусывал перед новым раундом издевательств.

Наклонившись, он пощупал пульс у меня на шее.

— Похоже, умерла, — спокойно заметил он.

— Чего? — Кагор слетел с моего неподвижного тела. — Так это чё, она под нами...

— Крови много натекло. Ладно, Жук, дай нож. Сейчас на всякий случай подстрахуемся.

Кнур поймал брошенный подельником нож и всадил его мне в грудь.

Я не почувствовала ничего.

Как будто нож вошёл не в плоть, а в резину. Только кровать прогнулась — и я вместе с ней.

— И правда мертва, — констатировал Кнур. — Ладно, парни, пакуйте тело. Покуражились — а теперь за работу.

Меня с двух сторон завернули в окровавленную простыню и куда-то понесли.

Остановившись за деревней, на поросшем кустарником участке, зеки убрали ветки со свежевыкопанной ямы.

— Опускаем её на счёт три, — скомандовал Кагор. — Раз, два... Три.

Я полетела в яму и разбитой куклой распласталась на дне могилы.

Простыня отлетела, и перед моими мёртвыми глазами от-

крылся кусочек бездонного неба.

А ведь я могла состариться под ним.

Как же я ненавижу этих ублюдков, жадного подонка Алексея, равнодушных родственников и соседей, это мироздание за то, что забрало у меня родителей. И за то, что я такой молодой умерла.

Не-на-ви-жу.

— Не будем торчать тут до ночи, — начал торопить подельников бывший жених.

— Ну, если хочешь быстрее — на лопату, — огрызнулся Жук.

— Нет, вы уж тут сами справляйтесь, — отказался Алексей. — Я вам деньги за это плачу.

— Ты нам за мокрое дело заплатил, хлюпик, а на это мы не занимались. За кого ты нас, честных мокрушников, держишь? За падаль? За мужиков? — разозлился Кагор.

— Тише, тише... Никого не хотел обидеть. Поздно уже просто, ребята, — пошёл на попятную женишок.

— Закапывай, Кагор, — отдал приказ Кнур.

И мир начал наполняться серой массой.

Груз земли всё увеличивался и давил. Я металась в своей холодной тюрьме, что когда-то была моим телом, от ужаса и страха, но всё было бесполезно.

Вскоре компания негодяев ушла, оставив меня совсем без звуков, в крошечной темноте.

Не знаю, сколько я так провела, внутренне рыдая и ме-

часть, пока не услышала одинокие шаркающие шаги на поверхности.

Слой земли над моей головой дрогнул — кто-то раскапывал могилу.

Я заметалась с удвоенной силой, и сверху послышалось: — Тише ты, сейчас я тебя достану. Только не кричи. Ох, моя голова... Уже болит от твоих воплей.

Прошёл добрый час, пока меня откопали.

С лица смахнули землю, и сквозь прилипшие к роговице песчинки я смутно смогла увидеть какую-то старуху.

— Ох-хо-хо, девонька... Как же поиздевались, ироды. Как обезобразили. И ведь сойдёт же мразям с рук это дело, уже сейчас вижу. Давай, сердешная, я тебя сейчас вытащу.

Бабка тащила меня очень долго. Я периодически проваливалась обратно в яму, но упрямая старушка не отступала.

Наконец, чудом исхитрившись, бабка вытащила меня на поверхность.

Отряхнув испачканные руки, она начала водить ими над моим телом.

— Ой, горе, горе... Девонька. Какая ж судьба у тебя поганая. Если бы не эти сейчас, то на твоём пути чего похуже было бы.

Хуже? Разве может быть хуже?

— Может, милая, может... А так попробую я душу твою отпустить. Сейчас.

Бабка отошла от меня, но вскоре вернулась с какими-то

предметами.

Умыв и помазав меня чем-то, зашептала заговор. Меня начало скручивать и затягивать внутрь.

Вернулась боль, но не физическая, а будто... Такая, как была после смерти мамы. Всепоглощающая, душевная.

Я снова взывала, не в силах терпеть эти муки, и бабка, ахнув, отступила.

— Не могу, девочка, не получается. Слишком много гнева, боли и ненависти в тебе. Не отпускает это тебя, переполнена ты им, — запричитала бабка. — Но и такой тебя оставить не могу. Ещё немного поваришься в этом — и станешь духом злобным, неприкаянным. Мучить людей будешь, и хороших, и плохих. Что же делать, девонька, с тобой... Душа-то у тебя светлая была... А постой, сейчас попробую ещё одно...

И бабка снова куда-то убежала, оставив меня валяться под лучами заходящего солнца.

Вернулась старушка, когда уже опустилась тьма, с тачанкой хвороста. Сбросив его, бабка перевернула тачанку и, присев рядом со мной, сказала:

— Выбор у тебя, милая, невелик. Вернее, у тебя его вообще нет. Так как в этом мире судьба твоя настолько жестока, что даже после смерти не отпускает тебя.

Быть духом злобы — нет хуже проклятия. Не знаю, откуда это на тебе, но наложено с особой ненавистью.

Бабка говорила, а я не понимала, о чём она.

Проклятье? Ненависть? К нашей семье?

Никогда не было у нас врагов, как и близких друзей, впрочем, тоже. Обыкновенная семья, таких миллионы.

— Не обязательно человек наложил, девочка. Бывает, и сам мир метку неугодным детям своим ставит. Но есть у меня одна задумка, чтобы от страшной участи тебя спасти.

Правда, судьба, что ждёт тебя, не сильно лучше этой, но пусть будет так, чем скитаться по свету, мучаясь и мучая.

Так за кого ты переживаешь, бабушка?

Глава 3

Мои глаза открылись сами собой, и я потянулась всем телом в коконе. Как давно не вспоминала прошлую жизнь. В памяти еще не рассеялись слабые отголоски тех ощущений, но они не вызывали никаких эмоций.

Я спокойно отдала команду торрее выпустить меня. Умное дерево распахнуло свою кору, и я вышла наружу.

Фантастически живописный вид природы нисколько не затронул мою душу, а ведь первое время в Ривенрейле я еще могла оценить его красоту по достоинству. Тогда моё новое тело только формировалось. И первый раз что-то даже ёкнуло внутри, но... Постепенно я избавилась и от этого.

Похоже, не одна я проснулась. Мимо меня прошёл Эрэдин, лишь слегка кивнув. Я ответила тем же.

Здесь не принято было разговаривать по пустякам, не принято было заводить дружбу (хотя какая дружба между машинами для убийств), а уж тем более проявлять эмоции.

Постепенно Ривенрейл вытягивал то, что осталось от прошлых жизней.

Да и невозможно было сохранить такое в новом теле, сердце которого не билось. Единственное, что заставляло нас хоть что-то почувствовать, — это Охота.

Да, наши замороженные тела вдруг переполнялись непреодолимой жадой: мести, ненависти и голода. Последний

был особенно силён. Он заставлял нас врываться в Альвхейм дикой ордой, находя очередные сладкие жертвы.

Смешно, но в моём старом мире люди почему-то считали, что именно эльфы — участники Дикой Охоты. На самом деле ушастые и не только были жертвами таких, как я. Бездушных порождений Ривенрейла.

Не став задерживаться, я пошла за остальными ланами — так нас называли в предсмертных хрипах испуганные эльфы.

Все мы тоненьким ручейком потянулись к Иггдрасиллю. Верхушка главного дерева, пронзающего все девять миров, находилась именно в Ривенрейле, маленьком кусочке реальности, который никому не был подвластен.

Там просыпались наши чудовищные кони, такие же, как и мы, химеры, предчувствующие скорую Охоту.

Я подошла и заняла своё место в кольце ланов, окружавших древний ствол.

Сейчас начнётся зрелище, от которого волосы встали бы дыбом у кого угодно, но только не у нас. Страх неведом участникам Дикой Охоты. Они сами и есть страх.

Земля зашевелилась так, будто под ней копошатся тысячи и тысячи мелких насекомых. Кое-где она начала распахиваться, выпуская наружу зеленые стебли. Они извивались и закручивались, разрастаясь и формируя клубок. Этот клубок рос, достигая почти гигантских размеров, пока не застыл, наполнившись окончательно. В этот миг зеленый стебель начал резко желтеть и скукоживаться, и вот на поляне

уже стоит невиданное чудовище-конь, стряхивая с себя пожухлую пыль.

От Охоты к Охоте они были разными, и у каждого — свой. Возможно, дерево таким образом исключало риск привязки нас к этим дивным существам, не знаю, но мы спокойно воспринимали смену своих соратников. Сегодня меня ожидала голубая красавица под стать моим волосам.

Огромный конь с усами, как у сома, и рыбьим хвостом вместо задних ног. Грива плыла по воздуху клубком змей, что периодически шипели, а тело моего боевого товарища покрывала мелкая чешуя. Дерево решило одарить меня морской химерой? Интересно, что же за Охота нас ожидает? Иггдрасиль не просто зеленый столб, это душа мира, могущественная личность, скрытая за листвой и корой. И очень мудрая: если что-то дает, значит, оно обязательно поможет.

Я подошла и привычным жестом знакомства погладила красавицу. Конь всхрапнул и приветственно заржал. Поймала на себе неодобрительные взгляды. Мы не привязываемся ни к кому, но я проигнорировала их. Мне почему-то захотелось погладить лошадь цвета лазурного неба, так похожего на мою новую шевелюру. Смотрелась она очень красиво, но оценить было некому. Вообще, новые тела были совершенными. Любая девчонка в старом мире удавилась бы за такую тонкую талию, длинные стройные ноги, высокую грудь, идеальные черты лица, но здесь красота не имела никакого значения.

Эрэдин взлетел на своего антрацитового коня, и тот расправил кожистые крылья летучей мыши. То же сделали и остальные, повинаясь примеру лидера. Да, Эрэдин уже несколько тысячелетий предводительствует Дикой Охотой, его имя заставляет трепетать не только Альвхейм, но и все девять миров.

— Вперед!!! — скомандовал главный лан.

И мы с дикими улюлюканьями сорвались с места. Как стрела, выпущенная из лука, летели к границе между Ривенрейлом и Альвхеймом, где заждались нас души прожжённых грешников. Возможно, сегодня это будут люди или эльфы, а может, забредший на торговлю гном или разведчик дроу. Ооо, эти были особенно сладки. А возможно, даже дракон, но такие встречались крайне редко. Слишком древние и слишком мудрые, чтобы поддаваться тлену похотей.

Всех существ объединяло одно — страх. Если ты совершаешь преступления и грехи — бойся. Однажды за тобой может прийти Дикая Охота. Для нас не было преград или замков, невозможно было спрятаться или защититься.

Проезжая мимо волшебного леса Ривенрейла, к нашей кавалькаде присоединились дикие псы. Эти твари были постоянными спутниками нашего развлечения. Ростом с доброго телёнка, с огромной пастью, наполненной острыми зубами, «собачки» имели отменный аппетит к грешной плоти. Если преследуемого не убивал охотник, то его разрывали псы, и ещё неизвестно, что было лучше для преступника. В осталь-

ное время эти зверушки жили как обыкновенные обитатели волшебного леса.

Охотились среди дивных фиолетовых деревьев, разоряли маленьким феям гнёзда, размножались. Кстати, феи со своей уникальной философией и внутренней организацией общества были единственными, кто мог жить рядом с ланами и не бояться. Дикая Охота ещё ни разу не приходила за феей и не придёт.

Впереди показалась тонкая плёнка прозрачной границы между мирами. С виду такая хрупкая, она была прочнее любого существующего материала. Это была магия Иггдрасиля. Выйти и зайти в Ривенрейл могли только охотники. Даже феи были здесь невольными пленниками.

Собаки завывали, и мы пришпорили своих призрачных коней. Наша свора с криками и улюлюканьем врезалась в тонкую границу, пройдя её, как горячий нож масло. Охота началась.

Альвхейм встретил нас прохладной осенней ночью. Так было всегда: Охота начиналась раз в году, когда весёлое лето должно смениться холодной зимой. И в этот хрупкий период межсезонья, когда преграда между мирами совсем истончается, ланы могут себе позволить пожить. Всё остальное время мы спим в торрее, восстанавливая раны — смешно сказать, если такие имеются, — практически не видя снов.

Эрэдин остановил кавалькаду взмахом руки, даже собаки притихли. Никто не издавал ни звука. Выдвинувшись немно-

го вперёд, наш лидер закрыл глаза, втянул в себя воздух и тут же распахнул их с торжеством. Его глаза засветились потусторонним светом, как и у всей своры. Жертва обнаружена. Псы завыли, а главный лан приказал:

— За мной!

Мы неслись по лугам и полям пугающей компанией, со светящимися в темноте глазами, в окружении страшных монстров. Ваш самый жуткий оживший кошмар.

Моя лошадка, несмотря на хвост, скользила змейкой над землёй, не уступая в скорости остальным. Её, как и меня, уже успел захватить общий азарт и предвкушение лёгкой добычи.

Мы проехали засеянные поля и миленькие домики какого-то селения. Нигде не было видно ни души, и не светило ни одной свечки в окошке. Но я чувствовала, что эльфы не спят, забившись в угол и обнявшись, каждый молился о милости своим богам в эту страшную ночь Дикой Охоты. Этот страх имел приятный аромат, но его было недостаточно, чтобы утолить наш аппетит. Это как голодающему предложить ароматный чай, что совсем не насытит его.

Проносясь с сумасшедшей скоростью, мы оставили поселение далеко позади и приблизились к лесу у подножия горы. Пересекая его и распугав местное зверьё, я ощутила дивный аромат, что ударил мне в ноздри. Такой невозможно сладкий и соблазнительный, что у меня на секунду закружилась голова. Тряхнув волосами, я посмотрела на своих спут-

ников, но никто ничего не заметил. Эрэдин уверенно вёл свору всё дальше и дальше от источника вкусного запаха.

Дикая Охота всегда действует вместе, но сосущее чувство внутри и неистовое желание вернуться, поискать источник увеличивалось с каждой милей. И я не выдержала.

Придерживая лошадь за поводья, я скатилась в самый конец процессии. А дальше, просто дёрнув спутницу, развернулась назад. Я найду того, кто излучает такой вкусный запах, уничтожу и быстро вернусь. Никто не заметит пропажи, так как Дикая Охота всегда бежит вперёд.

Понукая своего ездового монстра мчаться что есть сил, я представляла, кто же это может быть. Точно не гном, они обычно удивительно консервативны и банальны в своей жадности, скупости и обмане. Очень редко какой-нибудь младший сыночек снисходит до заказного убийства всей семьи.

Может, какой-то эльф погряз в разврате? У этих холодных и неприступных статуй иногда бывают срывы. Был у нас когда-то один эльфийский аристократ, высшим наслаждением для него было срезать кожу со своих невольных партнеров во время постельных утех.

Живым от него практически никто не уходил. Помню, Охота ворвалась к нему во дворец как раз тогда, когда он разделявал какого-то человеческого юношу. Ох, и сытным был наш обед. Но нет, подобного аромата я еще не чуяла.

А он становился все более и более зовущим по мере приближения к цели. У подножия горы протекала бурная река с

неспокойными, грязными водами. Я опустила ладонь на шею моей лошадки, и та поняла без слов. Вот и твой хвост пригнулся, подруга.

Само собой всплыло это давно забытое слово. Сегодня я просто сама не своя.

Легко нырнув в воду и стараясь держать меня максимально над поверхностью, кобыла поплыла в сторону горы. Где-то там я чуяла свою добычу.

Выбравшись на берег и стряхнувшись, мы снова взяли быстрый темп. Нужно спешить, ночь Охоты не безразмерна. Поднимаясь всё выше и выше по склону, мы наконец-то приблизились к какой-то пещере. И вот нас уже ждало второе и не очень приятное препятствие.

Проход в пещеру был узким отверстием в монолитной скале. Подъехав ближе, я поняла, что моя цель здесь, прячется и трясётся от страха в этой шахте. Но на лошади я сюда не проникну никоим образом.

Ну что ж, спешившись, подошла к небольшой дыре в скале и заглянула внутрь. Было темно, но только не для лана. В дальнем конце зашевелилась фигура, прячась за огромный сталагмит. Вот и ты, мой ужин.

Без особых усилий проскользнув в узкий проход, уверенно встав на ноги на полу пещеры, не спеша двинулась к жертве, наслаждаясь каждой судорогой мелкой дрожи, что пробегала по телу приговорённого.

Я была права, это эльф. Но не просто эльф, а служитель

тёмного культа. Не знаю, как друу удалось завербовать этого светленького, но он с особым рвением начал служить богине тёмных. А чего у нас хочет ненасытная Арахна? Правильно, жертвы. Особым деликатесом у неё считаются светлые дети. У эльфов и так проблемы с рождением отпрысков, а этот успел уничтожить немало эльфов.

Мой любимый трезубец лёг в руку приятной тяжестью. Я не торопясь приближалась к жертве и никак не могла понять, что же в нём такого. Это не первый мерзавец и убийца на моём пути, но именно он пахнет особенно привлекательно. Сводя с ума.

В это время эльф совсем потерял разум от страха. Вскочив, он начал биться о скалы, ища выход и уже не пытаясь скрываться. Только сейчас я заметила, что он прикован к скале длинной цепью.

Интересно. Похоже, эльфа казнили, оставив здесь умирать.

А мне выпала честь ускорить этот процесс. Увидев меня совсем рядом, пленник в ужасе прижался к стене пещеры и тихонечко заскулил. Я в предвкушении облизала губы и подняла трезубец. Ещё мгновение... И тут откуда-то сверху на меня упала магическая сеть. Справа послышалось:

— Натягивай, сильнее...

Я забилась, сбрасывая эту непонятную магию. Она обжигала открытые участки кожи. Зашипев от досады и пытаясь выпутаться, я никак не могла взять в толк, откуда здесь по-

явилось столько народу. Пустынная пещера просто наполнилась боевыми эльфами.

Почему я их не почувствовала до того, как вошла в шахту? Они держали сеть с нескольких сторон, пытаясь натягивать её, тем самым прижимая меня к земле. Мне не было страшно, я была возмущена. Как они посмели напасть на лана?

Это было нагло и глупо, смертельно глупо. Ну что ж, их ожидает большой сюрприз. Мои когти удлинились, и я попыталась вспороть сеть, но та не поддавалась. В это время во вход пещеры врзалось чьё-то мощное тело. Моя помощница предприняла попытку проникнуть к нам.

— Быстрее!!! — послышалось рядом.

Когти не помогли, и моё тело начало судорожно перебирать память души в поисках вариантов освобождения и, похоже, нашло. Я почувствовала, как на руках начали бугриться мускулы, а сзади вырастает скорпионий хвост.

— Она превращается!!! — завопил один из нападавших.
— Это химера!!!

Мои губы скривила самодовольная улыбка. Не ожидали? Я рванула сильными руками один край сети вместе с преследователем на себя. Второго догнал мой ядовитый хвост, пробив ему грудь насквозь. Ещё пару секунд — и я буду свободна.

На меня гранитной плитой упала чья-то магия, оглушая на секунду. Освободившийся край схватили сильные руки, натягивая ещё сильнее, чем было до этого.

— Айнон, мать твою, Аманиэль, — грязно выругался новый персонаж. — Вырубай её, иначе я тебя казню.

— Не сможете, Ваше Величество, я Оракул. И мама моя была честной эльфийкой, — это говорил странный ушастый, что стоял в углу и не принимал участия в общей облаве.

Почему странный? Потому что у светлых эльфов не бывает чёрных как смоль волос. А у этого были, змеились по тёмно-зелёному плащу чёрными реками.

— АЙНОН!!!! — послышался злобный рык сбоку.

Я никак не могла рассмотреть этого преследователя, но было у меня подозрение, что именно он и есть главный. Особенно после этого обращения: «Ваше Величество».

— Уже, — ответил странный эльф.

И у меня начало меркнуть в глазах. Помимо безграничного удивления от того, что жалкие эльфы смогли меня поймать, было ещё и удовлетворение. А приманку я всё-таки достала своим хвостом. А потом свет погас.

Глава 4

Сознание возвращалось постепенно, а вместе с ним и неприятные открытия. Во-первых, шею стискивал железный ошейник, мешая вздохнуть полной грудью. Во-вторых, я оказалась прикованной к стене какой-то подземной камеры, распятая по рукам и ногам. Осторожно попробовала проверить кандалы на крепость, но они не поддавались.

Это меня разозлило, и я что есть мочи дёрнула свои путы, призывая всю силу своего нового тела. Не помогло. А вот это уже нехорошо. По ощущениям все метаморфозы с организмом, сотворённые накануне, уже исчезли. Либо я настолько ослабла без подпитки торрее, что вряд ли, либо... Попробовала призвать своё оружие, но оно не откликнулось, а в области шеи почувствовалось лёгкое жжение.

Вот это да, восхитилась я безумством и наглостью будущих смертников: наложить на лана блокирующие заклинания — это верный путь к самоубийству. И не только потому, что тебя ждёт смерть от будущей Дикой Охоты, а за мной придут, я уверена, но и потому, что магии вбухать в такое заклинание нужно немерено. Как минимум те, кто это сотворил, должны были спалить магические каналы, а то и потерять жизнь.

Но мне стоило забыть о чужих проблемах и подумать о своих. Пристально осмотрев помещение, я поняла, что на-

хожусь в каком-то каменном мешке. К голым стенам только кое-где были вмурованы кандалы. «Особые апартаменты для особых гостей», — хмыкнула я. К единственному выходу из этого мешка вели песчаные ступеньки. Ничего интересного я для себя здесь не увидела. Ну что ж, продолжим разведку.

Несмотря на боль от ошейника, я перестроила свои уши, чтобы слышать за пределами камеры. В соседних помещениях никого не было. Где-то в углу коридора копошились мелкие твари, похожие на крыс. Звякнул разбитый глиняный кувшин, перевёрнутый одной из этих зверушек.

Вдали послышались чьи-то шаги. А вот это уже интересно, я напрягла слух ещё больше, но моих сил не хватило, а жжение увеличилось с отметки «Терпимо» до «Долго не продержусь». Осталось ждать, пока эти двое, а их было именно двое, подойдут ближе.

— ...Только не смей мне говорить, что всё это было зря. Ты хоть представляешь, на какие жертвы нам пришлось пойти, Айнон? Сегодня умер Мараноно, выживут ли остальные — под вопросом, и ты хочешь сказать, что она не подходит?

Гневный голос принадлежал тому неизвестному нападавшему, которого называли «Ваше Величество», любителю поминать чужих мам, а второй, похоже, тот необычный эльф с чёрными волосами.

— Я не сказал такого, Ваше Величество. Просто есть одна проблема, в пророчестве сказано о живом сердце. А у неё оно не бьётся...

— И что ты предлагаешь? Отвести её к целителям, чтобы они ей его завели? — Похоже, «Величество» в язвительном настроении.

— Нет, почему же, с магически созданными существами есть только один путь, это...

— Стой! — резко остановил Айнона второй. — Не здесь. Мы почти пришли.

А ведь и правда. Я даже не заметила, как эти двое подошли к двери моей камеры. Срочно вернула метаморфозу ушей назад и, закрыв глаза, расслабив тело, повисла на цепях.

Звякнули замки, засов, и эти двое зашли в камеру. Я чувствовала, как они приближаются к моему распростёртому телу.

— Не стоит притворяться, я знаю, ты в сознании, — проговорил «Величество» бархатным голосом.

Скрывать не было смысла, я открыла глаза, наконец-то увидев виновника моего пленения.

Он был красив. Нет, не так, он был очень красив. Высокий эльф с идеально пропорциональным телом, затянутым в зелёный бархат. Белые волосы с серебряным отливом каскадом падали на широкие плечи и почти достигали поясницы. Точёный нос, аккуратно вылепленные скулы, резкий разлёт бровей и пронзительные серые глаза. Отстранённо подумала, что у «Величества», наверное, целая коллекция разбитых девичьих сердец, ведь с такой внешностью он идеально под-

ходит на роль героя женской мечты.

Но не только это. На голове у него красовалась корона Эленталь, древний артефакт королевского рода, и мне пришлось признать очевидное. Меня похитил король эльфов, сиятельный Дарион. А помогал ему в этом Оракул, Айнон Черноволосый. Что-то было с этим оракулом не так, но все свои знания я черпала из фрагментарных воспоминаний жертв, поэтому они были далеко не полны.

— Как твоё имя? — соизволил открыть уста король. Но, видя, что я не собираюсь отвечать и продолжаю рассматривать Айнона, рявкнул: — Отвечай.

Неспешно перевела взгляд на взбешённого короля и раздвинула губы в насмешливой улыбке:

— Зачем мне отвечать смертной букашке, которая ускорила свою кончину безумным поступком?

Серые глаза короля гневно сверкнули, он приблизился ко мне и прошипел прямо в лицо:

— Но эти букашки поймали тебя, лан, — и уже отстранившись, повелительно сказал: — Имя!!!

Ошейник сжался до невозможности. Магия душила и жгла меня, но я с вызовом и насмешкой смотрела на эльфа. Мы в молчаливом поединке уставились друг на друга, и никто не хотел отступать. Воздуха не хватало всё больше и больше, боль росла с каждой минутой, мне было плохо, но я держалась на чистом упрямстве. Тело слабело, и это меня очень беспокоило. Я никогда не чувствовала себя такой бес-

помощной в этом мире. Здесь я была силой, но только не сегодня. От позорной капитуляции меня спас крик Айнона:

— Ваше Величество, вы её задушите!! — хватка на шее слегка ослабла, но совсем не пропала.

— Хотелось бы... — пробормотал король, а у меня поплыли чёрные кляксы перед глазами. — Ты уже не в Ривенрейле, лан, здесь моя власть абсолютна, и тебе стоит подчиниться.

Я даже не соизволила ответить, закрыв глаза и игнорируя эту парочку. Мне нет дела до эльфийских проблем и капризов, мне просто нужно дождаться следующей Охоты или попробовать освободиться самой. Но даже если я умру в этой темнице... Ну что ж, смерть — это не самое страшное, уж я-то знаю. Я расслабленно повисла на цепях, уходя в себя и отрешившись от происходящего. Сквозь вату я услышала слова эльфа перед тем, как он вышел:

— Похоже, ты плохо понимаешь своё положение. Я мило-стиво дам тебе время повисеть и подумать. Но, когда приду в следующий раз, жду от тебя полного подчинения, или пен-няй на себя.

И оба ушастых неспешно вышли. Хотелось выкрикнуть им в спину адрес, куда им стоит пойти, но я сдержалась. Слишком много страстей бурлит во мне, я давно такого не испытывала. Нужно, смешно сказать, успокоиться и привести мысли в порядок. За глупость я уже ответила, сижу пойманная в темнице, теперь нужно придумать, как отсюда вы-

браться.

Глава 5

Его Величество восседал на престоле в малом тронном зале. Нога была закинута на ногу, руки небрежно лежали на подлокотниках кресла, а пальцы держали золотой кубок с тёмно-красным, как кровь, вином. У подножия постамента, где стоял трон и сидел король, расположились двадцать эльфийских красавиц.

Прекрасные девы сидели на вышитых подушках, раскиданных по полу зала, и держали хрустальные арфы на своих стройных ножках. Звучала нежная музыка, девушки очень старались понравиться королю, бросая кто призывные, а кто несмелые взгляды в его сторону. Казалось, Дарион в хорошем настроении и решил расслабиться. Как знать, может, одной из них сегодня повезёт вновь согреть постель любимого монарха.

Но так могли думать только те, кто его плохо знал, а Мириэль не была из таких. Главная фаворитка эльфийского короля сидела в первом ряду, ближе всех к трону, и с тревогой поглядывала на повелителя. Она слишком долго была его любовницей и слишком хорошо знала, что кроется за этой маленькой складочкой на лбу и этим блеском в глазах.

Совсем не похоть владела сейчас королём, а самый настоящий гнев. Кто или что могло разозлить такого хитрого, расчётливого и жестокого эльфа, как Дарион? Всегда взвешива-

ющий все ходы наперёд и сталкивающий врагов лбами, король уже и забыл, что такое сюрпризы в политике и жизни. Мириэль за столетия успела изучить своего сиятельного любовника, и от того, что она видела, становилось ещё тревожнее.

А у Дариона не выходил из головы разговор с Айноном. Как только они вышли из темницы и добрались до кабинета короля с усиленной защитой, Оракул выдал немыслимое:

— Ты должен влюбить её в себя!!

Король даже рассмеялся бы, если б не был так зол.

— Твои дурацкие шутки переходят все границы, Айнон,
— устало, но с угрозой проговорил эльф.

— Какие уж тут шутки, мой повелитель. Для того чтобы защитить наш мир и уничтожить Нарыв, нужно принести в жертву живое сердце лана. Живое, сир, а она мертва.

— И?! — нетерпеливо постукивая пальцами, протянул король.

— Она должна полюбить, сир, безумно. Тогда её сердце зайдёт, и мы сможем его использовать, как сказано в пророчестве. И тот, в кого она влюбится, должны быть вы.

Бровь короля поползла вверх.

— Не слишком ли хитрую идею государственного переворота ты придумал, Оракул? Пока я буду ухаживать за этой бестией, она успеет меня триста раз прикончить. Отрастит себе что-нибудь и прирежет короля эльфов, как цыплёнка. Я похож на дурака? Пусть ею займётся кто-нибудь другой.

Мало ли соблазнительей шагает у меня во дворце.

— Ничего не выйдет, Ваше Величество, во-первых, всем известно, что дамы от вас без ума. Стоит немного постараться, и лана будет есть с ваших рук. А во-вторых, в пророчестве сказано, что именно вы должны принести жертву. Так что любовь химеры и её сердце должны быть привязаны именно к вам.

— Почему ты об этом мне сразу не сказал, мерзавец? Если бы я знал...

— То ни за что бы не согласились, — закончил за короля Оракул. — Вы бы начали искать другое средство и потратили кучу драгоценного времени, которого у нас нет.

Взгляд короля прошёлся ножом по Оракулу. Айнону стало неуютно под этим препарирующим серым взглядом. Он иногда позволял себе лишнего в присутствии Его Величества, но никогда не забывал, что под красивой маской прячется лев, готовый растерзать неугодных.

— Простите, Ваше Величество, — опустил голову Оракул.

— Ладно, — махнул рукой король. — Пусть несколько дней посидит в темнице, а дальше посмотрим, что делать. Блокировка на твари сильна?

— Да, Ваше Величество, — закивал Оракул. — Я вбухал в неё все свои накопители. Всё, что было в вашей сокровищнице, и часть из храма.

— Надеюсь, никто на нас сейчас не пойдёт войной, учи-

тывая тот запас сил, который мы спустили на одно никчёмное существо.

— Эмм... Постарайтесь думать о ней более позитивно, ведь вам ещё ухаживать, а женщины чувствуют такие вещи.

— Уже сомневаешься в моих способностях? — усмехнулся король.

— Никак нет, Ваше Величество. Я, наверное, пойду.

Взмахом руки Дарион отпустил Оракула. Да, есть о чём подумать, но не сейчас. Ему срочно нужно расслабиться и очистить голову от мыслей. При волнении можно не увидеть всей картины и сделать ошибку, а эльфийский король такого не любил.

Поэтому отдал приказ собрать свой цветник в малом тронном зале. Сегодня он выберет себе из своих любимых наложниц компанию на ночь, а завтра будет думать, как охмурить нелюбимую и чужую женщину.

Как она смотрела на него!!! Лениво и оценивающе, как кошка следит за мышкой, что ещё перебирает лапками, но уже не сможет убежать. Как будто это он у неё в темнице, а не наоборот.

Она обозвала его букашкой. Его, которого боялись и перед которым трепетали. Да ни одно живое существо не посмело бы сказать это ему, Дариону — Стальному клинку, получившему своё прозвище за холодность и беспощадность, с которой он разил врагов.

А она посмела.

Рука короля сжала кубок, превратив его в кусок металла. Вино разлилось на рубашку и штаны, и он с отвращением отбросил золото от себя.

Девушки испуганно замерли, прекратив игру. Дарион поднялся и коротко приказал:

— Мириэль, за мной!! — Сам же вышел из зала, даже не посмотрев, поднялась ли любовница.

Эльфийке было страшно, но терять лицо перед соперницами не хотелось. Легко и изящно поднявшись, фаворитка отдала инструмент прислуге и последовала за королём.

Дарион был в своих шикарных покоях, больше походящих на маленький дворец внутри дворца. Огромная кровать, что могла вместить шестерых, стояла на возвышении.

Она отражалась в белом мраморе потолка и стен, натёртых до блеска. В них хорошо были видны те развратные сцены, в которых не раз фаворитке приходилось принимать участие вместе с королём.

Дарион уже успел скинуть рубашку и умыться, оставаясь в одних штанах.

— Подойди, — велел девушке Дарион, и она его прекрасно поняла. С ласковой улыбкой эльфийка опустилась на колени и начала расстёгивать ширинку штанов. Приспустив их и бельё, она почти уткнулась во внушительное достоинство короля. Всё так же улыбаясь, фаворитка провела по нему рукой и слегка облизала головку, а потом наполовину проглотила в рот. Но, похоже, Дарион не был настроен на такие

ласки. Оттолкнув любовницу и сбросив мешающую одежду, он приказал Мириэль подняться. Эльфийка подчинилась, и тут же её разорванное платье полетело на пол, оставляя фаворитку полностью голой.

Мириэль досадливо поморщилась про себя. А ведь это новое платье, которое она надела впервые, чтобы покрасоваться перед двором. Придётся заказать ещё одно, но пусть лучше Дарион спустит пар на бездушную ткань, чем на саму Мириэль.

Развернув эльфийку к себе спиной и давая почувствовать своё возбуждение, король забросил руки девушки себе на шею, а сам обхватил беззащитно выставленную грудь большими ладонями. Сжимая грудь и перекатывая горошинки сосков в пальцах, он заставлял Мириэль саму прижиматься к нему и тереться в возбуждении. Одна рука правителя оставила грудь в покое и спустилась вниз, к самому сосредоточию желания.

Эльфийка уже была готова принять его, и, помучив девушку ещё немного, он заставил её встать на кровати на четвереньки. Вид, который открылся Дариону, был таким возбуждающим, что он, схватив одной рукой фаворитку за волосы, а второй — за бёдра, вогнался в неё что есть мочи.

Мириэль вскрикнула от неожиданности и лёгкого дискомфорта, но быстро подстроилась под темп мужчины. А Дарион закрыл глаза и представил, что волосы, которые он держит в руках, не белые, а лазурно-голубого цвета, и строй-

ные ножки, между которых он врезается, совершенно другие. Эта мысль заставила короля просто обезуметь. Он начал вдалбливаться в партнёршу с сумасшедшей силой. «Да вот так!!!» Он покажет этой выскочке, кто здесь главный, она будет ещё молить о пощаде и его любви.

Мириалэ закусила губу, пытаясь сдержать крик. Сила, с которой имел её Дарион, прогнала всё удовольствие. Эльфийка, не выдержав, жалобно заскулила, но повелитель ничего не слышал, отдавшись процессу и уйдя в себя. Поэтому, когда наконец-то король судорожно дёрнулся, изливаясь в фаворитку, та готова была плакать от счастья. Правда, недолго, так как Дарион был настроен на продолжение.

В тот вечер Мириэль выползла из покоев монарха с новой кругленькой суммой на счету, сундучком драгоценностей в своих апартаментах и благодарностью небесам, что подобное настроение у её сиятельного любовника бывает очень редко.

Глава 6

Я провела в темнице бесконечных три дня. Без единой души, в абсолютной тишине и наедине с собой.

Сначала начали ныть запястья, потом лодыжки, я переминалась и терпела, но это сильно не помогало. Тело начало противно деревенеть, и я испытала все давно забытые прелести пребывания в смертном теле. Чёрт бы побрал этого короля эльфов с его планами.

Но это был не предел. У меня заурчал живот!!!! Это дикое открытие на мгновение заставило забыть об остальных проблемах. Я ни разу, никогда за всё время своего присутствия в Ривенрейле, не хотела есть. Это же просто безумие. Ланы питаются только душами и грехами людей. И вот я, лан, вишу на цепи в подземелье и оглашаю его воплями собственного желудка, который, оказывается, у меня есть. Полнейший бред.

А дискомфорт и неудобства постепенно нарастали, но я терпела, и так слишком много позора упало на мою голубоволосую голову, чтобы ещё добавлять мольбы к похитителям.

Итого, на третий день пребывания в темнице, моё измученное сознание покинуло тело. Удивительно, но всё было не так, как в торрее. Я не отключилась совсем, а почувствовала себя свободной. Висела высоко-высоко над белокамен-

ным дворцом эльфов. Внизу копошились маленькие фигурки жителей, а меня тянуло вдаль.

Туда, к границе с Ривенрейлом.

Распахнув невидимые крылья, я ринулась вперёд с немыслимой скоростью, притормозив только рядом с границей. Тонкая плёночка не проявляла агрессии, так же спокойно переливаясь всеми цветами радуги. Протянув призрачную руку, я поняла, что она свободно проходит, и рванула к родному дому. Как я и предполагала, Охота уже спала.

Торрее были закрыты, и по их прозрачным жилам бежала странная зелёная смесь, похожая на сок. Приблизившись к одному из них, в глубине смогла рассмотреть лицо охотника, абсолютно каменное и ничего не выражающее. Сильно сомневаюсь, что здесь было кому обо мне переживать.

Моя торрее была распахнута настежь, сок не двигался по её жилам, и мне даже показалось, что её листва немного пожелтела. «Я скоро вернусь», — пообещала себе и ей, и крона моего дерева зашевелилась, как будто кивая в ответ.

В последнюю очередь решила провести Иггдрасиль, а вот там меня ожидал сюрприз. Рядом с деревом сидел в позе лотоса Эрэдин. Вокруг была разворочена земля и валялись ошмётки травы, а сам лидер Дикой Охоты сидел ровненько в эпицентре этого безобразия.

Как будто почувствовав моё присутствие, Эрэдин распахнул глаза.

— Я знаю, что ты здесь. Это было очень глупо с твоей

стороны — попасться в ловушку эльфов.

Упрёк был справедливым, и я опустила призрачную голову от стыда.

— И тебе ещё предстоит принять наказание от Иггдрасиля потом. Сейчас нужно выбираться из заключения. Вечное дерево готово принять тебя назад и подарить новое тело, но ты должна объединиться с ним на время. Ты готова?

Я кивнула, конечно, готова. Я не хочу возвращаться к тому жалкому существованию, что было у меня до Ривенрейла. Быть слабым, никчёмным, смертным человеком после того, как вкусил власть и страх? Ни за что.

И я рванула к дереву, прижавшись к нему всем своим существом. Сначала оно не реагировало, как будто наказывая меня и заставляя понервничать, но потом невидимые присоски отделились от ствола и впились в меня.

Медленно, очень медленно Иггдрасиль втягивал меня внутрь, причиняя невыносимую боль, но я терпела. Ради нового шанса я готова терпеть ещё больше. Я растворялась и смешивалась с деревом, и тут... Какая-то неведомая сила начала отрывать меня от растения. Иггдрасиль усилил напор, пытаясь съесть добычу как можно скорее, пока её не вырвали у него изо рта, но это было бесполезно. Меня уже оторвали и тянули назад в Альвхейм, ко дворцу.

— Нет!!!! — слышался разозлённый рёв Эрэдина, но и он быстро исчез вдали.

Я резко вдохнула, придя в себя на полу камеры. Надо

мною прозвучало облегчённое:

— Успели, — похоже, моё возвращение — дело рук Оракула. Доберусь до гада и придушу собственными руками.

Это была последняя мысль, и я снова потеряла сознание.

А вот приходила в себя я уже в более комфортных условиях. В мягкой постели, укрытая лёгким покрывалом. Нужно завязывать с обмороками, а то они каждый раз несут кардинальные изменения, подумалось мне.

Миленькая мне всё-таки попалась комната. Белые стены, минимум мебели, решётки на окнах. Сразу видно, мне здесь рады и очень доверяют.

Я перевела взгляд на фигурку, съёжившуюся в углу на стуле. Нет, почувствовала я её сразу, просто не торопилась, наслаждаясь испугом горничной. Так, так, так, что мы имеем здесь? Не слушалась маму, целовалась с сыном пекаря за сараем, ворует булочки на королевской кухне... Послужной список грехов так себе, но мне перебирать было нечего. Попробовала дотянуться силой до служанки и даже не успела толком её выпустить, как чёртов ошейник меня обжёг.

На этот раз всё изменилось, боль не только увеличилась, ошейник ещё и заблокировал мою магию. Какого чёрта? Проклятый Айнон модернизировал эту цацку? Ладно. Пусть магию мне частично заблокировали, но физическая сила всё ещё со мной.

Я коршуном кинулась к испуганной горничной, она даже пискнуть не успела, как я, нажав несколько точек на шее, от-

правила её в мир сновидений. Быстро раздев бессознательное тело прислуги, я скинула лёгкие латы из листьев торрее и нарядилась в платье служанки. С кровати сдёрнула простыню и сложила туда свою одежду. Такие латы невозможно достать, дерево само одевает нас, награждая тем, что нам максимально подходит. Так что оставлять их я не собиралась.

Уже на выходе вспомнила. Волосы!!! Сильно сомневаюсь, что среди прислуги дворца популярна голубая шевелюра. Поэтому, сдёрнув заколки и чепчик, собрала свою косу и спрятала под головным убором, чтобы не торчало ни волосинки. Всё, кажись, готово, вперёд.

Выйдя в коридор, положила парочку охранников, затолкав их туши к служанке. Кажись, всё. Осмотрелась, окон поблизости не было, людей тоже, я бы почувствовала. Отлично, двигаемся в сторону выхода.

Неприметная лестничка, явно для прислуги, маячила в конце коридора справа. Я быстрым шагом оказалась там и, чутко прислушиваясь, спустилась на первый этаж. Здесь было несколько дверей, и за ними шумел людской поток. Одна из них явно вела на улицу, я быстро пошла к ней, но тут двери в кухню распахнулись, и мне в спину послышался окрик: — Эй!!

Напряглась, раздумывая, как незаметно убрать препятствие. В это время окликнувший меня подошёл ближе: — Ты не видела Ханну?

Понимая, что будет слишком много шума, я решила не

рисковать. Повернулась к лакею, а это был именно он, и, не поднимая глаз, помотала головой.

Он присвистнул, и в меня ударила волна похоти. Этот служка уже имел меня во всех позах.

— Оу, ты, наверное, новенькая? Я тебя раньше здесь не видел, — я покивала головой. Пусть додумывает сам.

— Ты что, немая? — ещё один кивок. — А куда идёшь? Я показала баул, завёрнутый в простыню.

— В прачечную. Ладно. А я Гансель. Как справишься, приходи на второй этаж, поболтаем...

Хрюкнул этот придурок, но я лишь послушно кивнула и снова пошла к дверям на улицу.

Выйдя во двор прислуги и игнорируя любопытные взгляды тех, что копошились здесь, я уверенно пошла в сторону ворот. Но, увидев количество стражников, поняла — не справлюсь. Значит, парк и забор. Завернула в сторону аллейки, пока меня не заметили бравые вояки, что будут повнимательнее прислуги. Очутившись на ухоженной дорожке, я мерным шагом прошла большую половину парка. Никто меня не заметил и не остановил.

Неужели мне повезёт?

Парк закончился, впереди показалась небольшая декоративная лужайка. Пересечь её и дальше забор, а там свобода и далёкий путь в Ривенрейл. Я уже мысленно преодолевала его, но, как оказалось, зря. Только мои ноги ступили на мягкую траву, как меня сдушило с невероятной силой. Я ката-

лась по траве и сдирала невидимые путы с шеи. Казалось, ещё минута — и мне конец, как над головой слышалось насмешливое:

— Неужели ты и правда думала, что всё будет так легко?

Шею немного отпустило, и я подняла глаза, полные ненависти, на короля.

— Вижу, и правда так думала, — продолжил издеваться он. — Но не стоит. Как видишь, мы надёжно подстраховались. Так что выбрось глупые надежды и будь послушной. Станет легче жить.

Я не соизволила ответить ему ни слова, просто поднялась с земли и уставилась на него. Не буду валяться в ногах этой сволочи ни за что.

— Так как тебя зовут, лан? — решил сменить тему король. Я молчала, продолжая сверлить его взглядом.

— Не хочешь говорить? Хорошо, — глаза эльфа наполнились злобным блеском. — Тогда будешь Ванэ. Так звали любимую суку моей матушки. Я тебя тоже буду звать Ванэ.

Как же я ненавижу этого мерзкого эльфийского выродка.

— Айрэ. Меня зовут Айрэ, — тихо, но угрожающе прошипела я королю. И это была правда. Именно так торрее перевёл для меня имя Ольга.

— Видишь, почти угадал, — хохотнул Дарион. Я заставила себя стоять на месте и не кинуться раздирать наглую рожу эльфа когтями. Слишком много эмоций он вызывает, нужно притормозить.

Не дождавшись реакции, король небрежно приказал:

— Тогда собирайся. Тебе ещё служанку в сознание приводить. Так как вам нужно готовиться, а времени из-за твоей беготни почти не осталось. Я желаю видеть тебя сегодня на королевском ужине.

Я не выдержала.

— Ты мерзкий...

— Чш, чш, не стоит, милая, — он приложил пальцы к моим губам, и я клацнула зубами, почти откусив их, но эльф вовремя убрал руку. Шею обожгла лёгкая боль-напоминание. — Не стоит говорить то, о чём пожалеешь. У тебя час. Я желаю видеть тебя на ужине полностью при параде и очень любезную. Дорогу сама найдёшь.

И Дарион, развернувшись на каблуках, пошёл ко дворцу, даже не посмотрев, собираюсь ли я идти за ним.

Дарион шагал ко дворцу, чувствуя сверлящий, ненавидящий взгляд в спину. Руки сами собой сжали пальцы, которыми он её касался. До чего же мягкие и соблазнительные губы у чертовки. Он с удовольствием вспомнил, как наблюдал за её действиями через следилку. Как быстро она вырубил служанку и сообразила, что делать дальше.

План был неплох, и, возможно, если бы это был не лан под круглосуточным надзором с ошейником-привязкой, он бы сработал. А так осталось только наблюдать за бесплодными попытками сбежать. Особенно момент с переодеванием

привлѣк внимание короля.

Он даже подвинулся так, чтобы остальные маги из слежки не могли увидеть её совершенную спину, длинные красивые ноги и умопомрачительную попку. Да, возможно, приручить лана и не будет такой горькой повинностью, как ему показалось вначале.

Из этого можно извлечь сладкую выгоду. А пока сегодня опять нужно позвать Мириэль, не забыв подарить новый сундук с драгоценностями и платье.

Глава 7

Служанка уже очнулась без моей помощи и испуганно сжалась, когда я зашла в комнату. Но теперь к страху передо мной примешивался ещё и гнев. Девчонка обижалась, считая, что пришла помочь, а я... Но мне не было дела до её душевных терзаний, я не планировала здесь задерживаться настолько, чтобы заводить с кем-то дружбу. А на ужин всё же пойду, нужно понять, что задумал король и как мне от этих эльфов избавиться.

— Мне нужно одеться, — отдала приказ прислуге и села на стул. Память услужливо подбросила воспоминания из прошлого мира, где в исторических фильмах аристократов одевают и умывают исключительно слуги. Не думаю, что среди снобов-эльфов другие правила.

Служанка заметалась по комнате, выполняя поручение, и уже через двадцать минут на мне сидело серебряное платье, украшенное вышивкой. Оно мне не понравилось. Нет, сидело отлично и выглядело красиво, но делало меня слишком изящной и хрупкой. Как я буду внушать ужас, если выгляжу как мультяшная принцесса?

Но, взглянув на остальной гардероб, поняла, что таким был план. Всё в этих отрезках ткани представляло собой мечту прожжённой кокетки. Смысл переодеваться отпал. Осталось только привести в порядок волосы, и тут возникла но-

вая проблема. Ханна, так звали мою служанку, и была она из людей, кстати, наотрез отказалась ко мне прикасаться.

Девушку била мелкая дрожь ужаса, и пересилить себя она не смогла. Махнув рукой на это дело, я просто расчесалась сама и переплела косу. Я не иду покорять изысканное общество своим видом, да мне, собственно, всё равно на них. Иду туда только ради тебя, эльфийский выкидыш, чтобы узнать, что же ты задумал.

Охрана любезно проводила меня к залу, ни словом не обмолвившись о моих подвигах с их собратями. Но страх и настороженность приятно щекотали нос. Весёлой компанией мы подошли к огромным двустворчатым дверям, украшенным растительным орнаментом. Лакеи поклонились и раскрыли двери, но не огласили, кто я.

Зайдя в зал, я поняла, что это было не нужно, все и так знали, кто должен посетить ужин, и застыли, уставившись на меня. Даже музыканты на аллее перестали играть и, свесив головы, пытались рассмотреть диковинку. В нос мне ударил целый букет эмоций: страх, ненависть, любопытство и даже похоть. А сколько здесь было прожжённых грешников — не передать.

Дааа, давненько Дикая Охота не заглядывала во дворец, а зря, здесь просто банкетный стол. Его Величество сидел на возвышении с небольшой группкой избранных и с любопытством наблюдал за мной.

Думал смутить меня вниманием всего двора? Тем, что я

одна? О нет, это я властвую над ними, а не они надо мной. Я их самый худший кошмар, их самые потаённые желания, выдернутые наружу. Я — лан, и вы будете трепетать предо мною.

Я кровожадно улыбнулась и, преодолевая боль в шее, медленно отрастила клыки. Зал ахнул, а я уверенной походкой львицы двинулась к королевскому столу. Проходя мимо столов с высшей знатью, схватила одну из эльфиек, сидящих с краю, за волосы и, прижав длинную прядь к носу, шумно вдохнула воздух. Лёгкая брезгливость, которую до этого ощущала остроухая, испарилась в два счёта, сменившись ужасом.

— Ай-ай-яй, очередного маленького ушастика отправила на тот свет, красавица? — делано поцокала я языком. — Какой это по счёту? Третий, четвёртый? А муж знает про твоих абортышей, детка? Нет?

Спросила я побледневшую эльфийку.

— Смени такого неаккуратного любовника, иначе в следующий сезон Дикой Охоты мы придём в гости, — и, с омерзением отбросив прочь белую прядь, пошла дальше.

Мне не было жаль эту сучку, она сознательно ничего не предпринимала, чтобы остановить поток убийств маленьких детей, заодно насмехалась над глупым мужем, что души в ней не чаял. А это редкость среди развратного народа эльфов. Но, судя по взгляду прозревшего мужчины, в их семейном гнёздышке грядёт перестройка. После моей выходки зал

ещё больше затрясся, и все начали прятать глаза от грозного лана, а некоторые вообще постарались смыться через боковые входы в зал.

Довольная произведённым эффектом, я уже шагала к королю, никуда не сворачивая. Тот сидел хмурый в своём кресле и крепко сжимал вилку в руках. Что не понравилось, милый? Ожидал совсем другой эффект? Жаль тебя разочаровывать. Хотя нет, вру, совсем не жаль.

Я присела на краешек стола, сдвинув блюда с едой в сторону, и своровала виноградинку из тарелки короля. Отправив её в рот, невозмутимо спросила:

— Звал?

Вопреки моим ожиданиям, король не начал брызгать слюной от ярости. Наоборот, расслабившись, он сделал приглашительный жест в сторону пустого стула справа от себя:

— Да. Присядешь?

Можно было ещё повыпендриваться, но есть хотелось невероятно, будь я человеком, уже давно отбросила бы коньки. Я плавно обошла стол под недобрый взглядом эльфийки, что сидела слева от короля, и уверенно уселась на свободное место.

— И кого же ты согнал с насиженного места, чтобы усадить меня?

Дарион коротко рассмеялся, похоже, настроение у него было преотличное.

— Не поверишь, Айнон просто не смог сегодня быть здесь

по своим причинам, но мне нравится, что ты такого хорошего мнения обо мне.

Пропустив подколку монарха, задумалась. Значит, не так легко далось Оракулу моё пленение. Что-то мне подсказывает, что именно возвращение из Ривенрейла одного глупого лана стало причиной его отсутствия. Виданное ли дело — вырывать уже почти поглощённого охотника из лап Иггдрасиля. Как всемирное дерево не разбомбило тут всё от гнева, не знаю. А Айнона, похоже, накрыл нехилый откат.

Но про это потом. Сейчас меня больше интересовал ужин, и я очень обрадовалась, когда начали подавать горячее. Полностью игнорируя Дариона, я взялась за насыщение организма. Благо король меня не трогал, переключив всё внимание на эльфийку рядом. Придворные всё ещё настороженно смотрели на меня, но тоже начали есть. Так что худо-бедно этот ужин прошёл.

Насытившись, я поднялась, собираясь выйти, но тут же сработал ошейник:

— Сядь, — тихо приказал король.

Я приготовилась наплевать на приказ, а потом подумала, что не стоит портить произведённое впечатление на двор тем, как буду кататься по полу, извиваясь от боли.

— Умная девочка, — одобрительно хмыкнул король, когда я села. И обратился к придворным: — Подданные мои, завтра я желаю устроить осеннюю охоту.

Зал радостно и одобрительно зашёлся в улюлюканье. Да-

рион встал, показывая всем, что ужин закончен. Все придворные тоже подскочили, провожая короля.

— Пошли, — махнул он мне.

Я не торопясь поднялась и взглянула на эльфа. Веди, ушастый.

Дарион скрылся за маленькой дверцей, утащив туда и меня. Мы прошли галерею, поднялись на третий этаж и приблизились к моим покоям. Решил меня проводить? Как же мило.

Уже почти у двери Дарион остановился.

— Айрэ, ты тоже приглашена на охоту завтра. Я хочу, чтобы ты немного присмотрелась к нашему миру.

Я во все глаза уставилась на короля. Он серьёзно? Может, это какая-то невидимая болезнь мгновенно съедает мозги несносному эльфу? Давно забытым земным жестом я потянулась проверить температуру лба правителя, но он отклонился. Быстро спрятала руку, что-то стала забываться. Разозлившись на себя, решила излить раздражение и на короля.

— Ты в своём уме, эльф? Зачем мне ваш жалкий мир? Этот кусок земли для меня всего лишь охотничьи угодья, а вы — животные, на которых я веду охоту. Жить в хлеву? Да ты с ума сошёл.

По мере того как я говорила, глаза короля наливались всё большей яростью. Увидев, что довела его до точки, я самодовольно улыбнулась и повернулась, намереваясь уйти. Но не тут-то было. Крепкая рука схватила меня за косу и больно

дёрнула назад, выгибая мою голову максимально возможно. Я приготовилась дать сдачи на любой удар, но король впился в мои губы яростным поцелуем. Он наказывал меня.

Он поглощал меня со всей страстью. Я застыла от удивления, а потом произошло немыслимое. Мою грудную клетку сотряс удар.

Тук.

Меня согнуло, тело сотрясала мелкая дрожь. Похоже, эльф ничего не понял, приняв такую реакцию на свой счёт, и усилил напор. А я была шокирована, пытаюсь понять, что это было.

Но боль быстро прошла, а её место заняла злость. Одно мгновение — и Дарион летит в стену. Король сполз по красивым гобеленам с видами охоты и удивлённо уставился на меня. Эх, его накрыл наш близкий контакт. Из уголков рта побежала струйка крови. Король вытер её и поднялся. Похоже, он совсем не расстроился своему падению. Улыбнувшись разбитыми губами, эльф сказал:

— Жду тебя завтра на рассвете, при полном параде. Будь готова.

Я совсем по-девчачьи задрала нос и ушла в свою комнату, громко хлопнув дверью. В коридоре послышался наглый мужской смех. Думаешь, что выиграл бой? Посмотрим, как ты проиграешь войну, эльф.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.